

И. ЗИЛЬБЕРШТЕИН

ИЗ БУМАГ ПУШКИНА

(НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“

Москва—1926

НЕИЗДАННЫЕ РИСУНКИ ПУШКИНА

Очень редко в рукописях Пушкина рисунки занимают отдельное место. За единичными исключениями, они неразрывно связаны с его писаниями: «он рисовал, как хотел бы писать», правильно замечает А. Эфрос в своей недавней статье о живописном наследии Пушкина. Пушкинский рисунок действительно «возникал не как самоцель, но в результате бокового хода той же мысли и того же душевного состояния, которые создавали пушкинский стих».

Источник же рождения пушкинского рисунка нужно искать, без сомнения, в языках и окончаниях его росчерков. Как известно, пушкинский почерк, делающий его автографы художественными, удивительно целен и стремителен: рука поэта быстро «катит буквы и шумит языками росчерков и концов, энергичных, нежеманных, неокругленных, прямо отводящих избыточную энергию письма в свободную плоскость страницы».

В описании альбома Онегина мы находим следующие автобиографические строки:

«В сафьяне, по краям окован,
Замкнут серебряным замком,
Он был исписан, изрисован
Рукой Онегина кругом.

Среди бессвязного марабря
Мелькали мысли, примечанья,
Портреты, буквы, имена
И думы тайной письма».

Несколько примеров процесса создания рисунков у Пушкина мы уже видели в этой книжке выше: так, свободная плоскость бумаги автографа, на котором имеются карандашные наброски неосуществленного стихотворения «Желал я душу освежить» и планы ненаписанного конца «Дубровского», заполнена рукой поэта карандашными же контурами какого-то фата во весь рост, фигурой женщины в чепце со сложенными руками; немного сбоку с удивительным портретным сходством поэтом набросан профильный портрет адмирала Шишкова, одного из его знакомых и, наконец, пустующее место под этим профилем занято наброском головы в прическе XVIII века (не Жан-Жак Руссо ли это?). На этом же автографе мы находим следы возвращения Пушкина к нему позже: записав чернилами какой-то счет на нем, поэт в верхней части этого автографа набросал (чернилами же) эскиз избушки, а в нижней части, несколькими штрихами изобразив остроносую голову, обвел пером рисунки фата, женщины, Шишкова и Руссо.—На автографе первоначального замысла «Капитанской дочки» (снимок выше) правый пустовавший угол заполнен эскизом куста, а левый—мужской головой (не «Шванвич» ли это—прообраз двух позднейших героев повести—Швабрина и Гринева?)...

Себя самого Пушкин рисовал особенно часто; «потомок негров безобразный» действительно выработал осо-

бый навык в автопортретах, и его «арабский» профиль, почти всегда набросанный резко и уверенно, часто встречается в его бумагах: на черновиках стихов, на планах повестей, рядом с критическими набросками, в исторических заметках, в черновиках его писем...

Наша небольшая книжка включает в себе до 4 новых автопортретов Пушкина. Первый—на обложке—извлечен мною впервые в свет из неопубликованной еще статьи Пушкина о комедии Загоскина «Недовольные». Ценность этого интересного автопортрета возрастает потому, что это едва ли не последнее собственное изображение, набросанное поэтом (рукопись, на которой находится этот автопортрет, датируется концом 1836 года); автограф в Майковском собрании. Второй автопортрет (смотри снимок ниже) также впервые извлекается мною в свет; находится он на обороте рукописи неизданного Пушкинского стихотворения «Пока меня без милости бранят», автограф которого находится также в Майковском собрании. Третий—набросан чернилами на листе «Эскизов разных лиц, замечательных по 14 декабря 1825 года», найденном в архиве баронессы С. Б. Вревской (смотри снимок ниже); автопортрет этот отличается особой тщательностью и превосходным портретным сходством, но, к сожалению, он остался не совсем законченным. И, наконец, четвертый автопортрет находится на адресной стороне письма К. С. Сербиновича к Пушкину (снимок ниже).

Два следующих автографа, опубликованные в этом же отделе, по праву должны занимать крупнейшее ме-

сто в живописном наследии Пушкина листы, сплошь испещренные рисунками, у Пушкина попадаются довольно редко, поэтому мы и остановимся подробнее на них, несмотря на то, что второй лист был уже в печати воспроизведен (читателю же этот автограф, без сомнения, все же неизвестен, т. к. его воспроизведение появилось в 1910 году в малоизвестном еженедельнике «Искры»).

Первый из этих двух листов замыслом своим связан с тем поэтическим произведением, первую страницу которого он и занимает; произведение это — «Послание к вельможе», новонайденный автограф которого, датированный 23 апреля 1829 года, был извлечен из бумаг графа Ф. Ф. Сумарога-Эльстон и ныне хранится в Пушкинском доме при Академии Наук СССР.

На первом листе этого автографа, который служит как бы оберткой для стихотворения, поэт написал сна-

Князь Н. Б. Юсупов. Рис. Пушкина.
(Воспроизводится впервые)

чала заглавие произведения—«К вельможе», но потом, зачеркнув его, написал девиз, относящийся, вероятно, к характеристике князя Н. Б. Юсупова, которому это стихотворение посвящено; заголовок же—«К вельможе» поэт позже вписал в первую страницу стихотворения. На этой же «обложке» тот же князь Юсупов изображен прогуливающимся с палочкой в руках по саду. Рисунок этот действительно сделан прекрасно, при чем сходство (если вспомнить хотя бы знаменитый бюст Юсупова работы Витали) передано действительно блестяще. Старческая, отяжелевшая походка Юсупова, с уже подакшивающимися коленами, с грузным торсом—ловко схвачена; на рисунке старый вельможа нарисован с косичкой и в старинном костюме XVIII века.

Сбоку рисунка—ловко набросанные эскизы кустов, а под ним монограмма поэта—«А. П.»

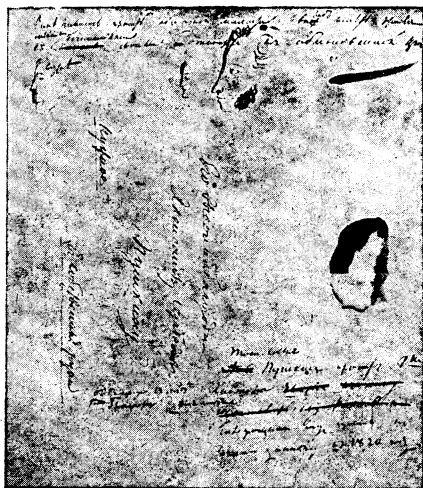
Второй же лист рисунков еще более замечателен. История его следующая: в пачке старинных бумаг, сохранившихся у баронессы С. Б. Вревской, принадлежавшей к семье исконных друзей Пушкина и приходившейся внучкою известной владетельнице села Тригорского—П. А. Осиповой, совершенно случайно оказалось несколько подлинных автографов Пушкина.

Самый интересный среди этих автографов—большой лист старинной желтоватой бумаги, на котором великий поэт, частый посетитель Тригорского, набросал, кроме своего, чрезвычайно схожего автопортрета, около 24 законченных профилей, портретов, контуров; часть этих профилей, без сомнения, рисует нам портреты его дру-

„Эскизы разных лиц, замечательных по 14 декабря 1824 г.“. (Воспроизводится непосредственно с подлинника).

зей декабристов. Об этом свидетельствует надпись на обороте этого листа, сделанная рукою приятеля Пушкина—А. Н. Вульфа: «Эскизы разных лиц, замечательных по 14 декабря 1825 года. Работы Александра Сергеевича Пушкина во время пребывания в селе Тригорском в 1826 году».

Оборотная сторона письма Г. К. Сербиновича к Пушкину. (Воспроизводится впервые).

Свидетельство это можно считать авторитетным, т. к. и хронологическое приурочение его к 1826 году также внушает доверие: как раз в самом начале этого года к Пушкину и дошли вести о событиях 14 декабря, и, конечно, в это время он больше, чем когда-либо, думал об участниках этого восстания, среди которых было столько лиц, с которыми

по его же собственным словам, он находился в короткой связи. Специалистам, вероятно, впоследствии удастся расшифровать имена набросанных здесь эскизов декабристов; сейчас же такая расшифровка представляет

большую трудность, т. к. иконография декабристов не вполне еще изучена.

Кроме портретов декабристов, на этом же листе недалеко от своего автопортрета Пушкин набросал контур и несколько набросков головы какой-то женщины, среди которых пушкинской же рукой набросаны слова стихов: «Моя душа тобой полна», «Душа моя...». Кого здесь Пушкин рисовал—нам не удалось расшифровать.

Теперь, в столетнюю годовщину декабрьского восстания, пора заняться внимательным изучением рисунков поэта, рассеянных по страницам его рукописей; отсюда можно извлечь немало набросков поэта, посвященных декабристам—его друзьями и знакомым. А описанный выше лист рисунков всегда будет занимать выдающееся место и в иконографии декабристов, и в живописном наследии Пушкина, которое когда-нибудь целиком станет достоянием его читателей.
